
DOI 10.15826/QR.2016.1.141
УДК 94(470)"18"+910.4(493:470)

**ТРАВЕЛОГ БЕЛЬГИЙСКИХ МОНАРХИСТОВ
О НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ VS СОЧИНЕНИЕ
АСТОЛЬФА ДЕ КЮСТИНА**

Эммануэль Вагеманс
Институт славистики,
Католический университет,
Лёвен, Бельгия

**TRAVELOGUES ABOUT NICHOLAS I'S RUSSIA:
BELGIAN MONARCHISTS VERSUS ASTOLPHE
MARQUIS DE CUSTINE***

Emmanuel Waegemans
Institute of Slavonic Studies, Catholic University of Leuven,
Leuven, Belgium

The article focuses on the account of Belgian traveller Jan Nolet of his trip to Russia published in 1843 and known as *A Trip to the North*. In 1842 two Belgians went on a trip to Russia, a far-away country, still rarely visited by Europeans. They were Jean-Baptist David, a renowned representative of Flemish culture and a canon, and his younger fellow traveller, Dutchman Jan Nolet de Brauwere van Steeland. They both were opposed to the Belgian revolution of 1830 which led to the establishment of constitutional monarchy in the country with it later becoming a model to follow for the leading European countries. In Russia under Nicholas I they found the kind of rule that complied with their views, i. e. that characterized by discipline but also justice, absolute rule combined with trust in a beneficent tsar that rules the country without a conflicting opposition or insolent parliament. They visited Moscow and Saint Petersburg and saw things unfamiliar to them, and were amazed by what they discovered. They write respectfully and with a deep understanding about Russia and

* *Citation*: Waegemans, E. (2016). Travelogues about Nicholas i's Russia: Belgian Monarchists versus Astolphe Marquis de Custine. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4, № 1, p. 55–78. DOI 10.15826/QR.2016.1.141.

Цитирование: Waegemans E. Travelogues about Nicholas i's Russia: Belgian Monarchists versus Astolphe Marquis de Custine // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 1. P. 55–78. DOI 10.15826/QR.2016.1.141 / Вагеманс Э. Травелог бельгийских монархистов о николаевской России vs сочинение Астольфа де Кюстина // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 1. С. 55–78. DOI 10.15826/QR.2016.1.141.

Russians, and they appreciate the majestic ruler Nicholas I. It is all the more noteworthy, because after the suppression of the Polish uprising of 1831, the West's favourable attitude to Russia (after Peter the Great's reforms and Catherine II's regime, after Alexander I's victory over Napoleon) was exhausted. It is this event that marks the start of constant criticism of Russia's ways and actions by western journalists and travellers which continued until as long as 1917. The perception of Russia expressed by the Belgian travellers is also interesting because the same period is marked by the publication of a book by Astolphe de Custine, a French publicist, who criticised many sides of the Russian reality.

Keywords: Nicholas I; Russia under Nicholas I; foreigners' trips to Russia; Astolphe de Custine; Jean-Baptist David; Jan Nolet de Brauwere van Steeland.

Основной предмет исследования автора составляет отчет бельгийского путешественника Яна Нолета де Браувере ван Стееланда о путешествии в Россию, вышедший в свет в 1843 г. под названием «Поездка на север». В 1842 г. два бельгийца предприняли путешествие в далекую, мало еще посещавшуюся европейцами Россию. Это были видный деятель фламандской культуры каноник Ян-Баптист Давид и его более молодой спутник голландец Ян Нолет де Браувере ван Стееланд. Оба были противниками бельгийской революции 1830 г., давшей стране конституционную монархию, скоро ставшую образцом всей передовой Европы. В России царя Николая I наши путешественники нашли как раз ту страну, то правление, что им было по душе, – строгую, но справедливую власть, единовластие, веру в доброго царя, который управлял страной без крикливого парламента и оппозиции. Они были в Петербурге и Москве, видели много того, что было им не знакомо, удивлялись на каждом шагу увиденному. Они с уважением и пониманием пишут о России и русских, им очень нравится величественная фигура царствующего царя Николая I. Это тем более удивительно, потому что после подавления польского восстания 1831 г. симпатии Запада по отношению к России (после Петровских реформ и режима Екатерины II, после победы Александра I над Наполеоном) были совершенно исчерпаны. Именно с этого события начинается постоянная критика российских порядков западными путешественниками и журналистами, которая будет продолжаться до 1917 г. Восприятие России глазами бельгийских путешественников интересно еще и потому, что в то же время вышла в свет книга известного французского публициста Астольфа де Кюстина, который критиковал многие стороны российской действительности.

Ключевые слова: Николай Первый; николаевская Россия; путешествия иностранцев в Россию; Астольф де Кюстин; Ян-Баптист Давид; Ян Нолет де Браувере ван Стееланд.

В 40-х гг. XIX в. в Европе были напечатаны два интереснейших описания путешествий европейцев в Россию, которой в то время правил император Николай I. Они были противоположны по тональности и писательским оценкам. И хотя описывали одно исто-

рическое время, рассчитывали на различные читательские чувства и вызвали полярную реакцию российской власти. Путешествия были совершены с разницей в три года. Первое в 1839 г. предпринял француз маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857). Его записки, изданные в 1843 г. в четырех томах, были нейтрально озаглавлены «La Russie en 1839» («Россия в 1839 году»)¹. Маркиз де Кюстин был небезызвестным литератором. Его отец и дед окончили свои дни на гильотине Робеспьера; сам он был убежденным клерикальным монархистом. Он отправился в Россию в поисках аргументов в пользу авторитарического правления, но два месяца пребывания в самодержавной России Николая I сделали его убежденным сторонником конституционных свобод. Талантливая книга имела кассовый успех в Европе и неоднократно переиздавались, во многом предопределив восприятие и оценку России европейцами. Российское правительство пришло в ярость и инициировало появление разнообразных опровержений и критики как в России, так и на Западе. Сочинение Кюстина, на протяжении истории неоднократно воспринимавшееся в российском обществе, вместе с тем выражало не единственное мнение, прозвучавшее в сложную эпоху правления Николая I, так и не сумевшего преодолеть свое неприятие дворянского восстания 1825 г. и разочарование сословным предательством.

Иную оценку и иное видение исторического пути России оставила пара бельгийских путешественников, совершивших совместную поездку в Россию в 1842 г. Одним из них был видный деятель фламандской культуры каноник Ян Баптист Давид (1801–1866), который преподавал в Левенском университете нидерландскую литературу и отечественную историю. Он был председателем первого «Языкового конгресса», созванного «Обществом покровительства нидерландскому языку и литературе» и рассматривавшегося как начало Фламандского движения. Я.-Б. Давид принимал участие в составлении «Словаря нидерландского языка», написал «Граматику нидерландского языка» и работал над грандиозно задуманной «Отечественной историей». В 1875 г. в его честь был учрежден Фонд имени Давида. О той поездке в Россию Давид написал отчет: в 1849 г. вышел в свет его рассказ о пребывании в Москве².

Ян Баптист Давид
(1801–1866)

Jan Baptist David
(1801–1866)

¹ Первое полное издание Астольфа де Кюстина в русском переводе появилось только в 1996 г. Его путевые записки были опубликованы под названием «Россия в 1839 году» [Кюстин].

² Текст Я.-Б. Давида *Moscow* впервые появился в журнале *De Moedertaal* I (1849. P. 9–42). Далее ссылки на него будут даваться по этому изданию с указанием номеров страниц в круглых скобках.

Ян Нолет де Браувере ван Стееланд (1815–1888)

Johannes Nolet de
Brauwere van Steeland
(1815–1888)

Его спутником был голландец Ян Нолет де Браувере ван Стееланд (1815 г., Роттердам – 1888 г., Бельгия, Вилворд). Он происходил из голландской католической семьи и всегда был гражданином Нидерландов, хотя почти всю жизнь провел в Бельгии. Родители отправили его на учебу в гимназию в Турне, а позже – в Брюгге. Во время бельгийского переворота 1830 г. родители призвали его обратно в Роттердам. В 1832 г., когда в Южных Нидерландах восстановилось спокойствие, он отправился в Гент изучать в университете право. В 1835 г. Нолет сменил Гент на Левен и решил целиком посвятить себя литературе. На каникулах 1842 г. вместе с профессором Яном-Баптистом Давидом он совершил путешествие по Дании, Норвегии, Швеции и России.

В 1844 г. Нолет с женой обосновался в окрестностях Брюсселя. С тех пор он принимал очень активное участие во Фламандском движении. Так, он стал одним из основателей «Фламандско-немецкого певческого общества» (1846) и руководил сотрудничеством между Севером и Югом, то есть между Голландией и Фландрией; он входил в состав президиума «Языкового и литературного конгресса» (Брюссель, 1851; Утрехт, 1854; Роттердам, 1865, Маастрихт, 1875). Будучи горячим почитателем германской культуры, он предупреждал о тлетворности «французских веяний» и питал симпатии к пангерманизму.

Рассказ Яна Нолета о путешествии в Россию вышел в свет в 1843 г. под названием «Поездка на север»³. В этом отчете, который составляет предмет данного исследования, открыто проявляются политические взгляды путешественников: они показали себя ревностными сторонниками абсолютной монархии, не скрывая своего неприятия парламентской демократии [см.: Waegemans, 2000, p. 9–11].

В первой главе своих путевых заметок Нолет проливает свет на цель путешествия:

Naer Italië? Maer zeg eens, mijn geliefde, wie gaet thans niet naer Italië? Dat is een zeer gemeen alledaegs werk, en ik wil mijn schoenen niet slijten om die laers te bezoeken. Na rijp overleg, besloten wij het gure Noorden in te dringen; wij zouden ons aen die barbaersche streken wagen, dat was tenminste iets nieuws (4).

(В Италию? Но скажите-ка, любезный мой читатель, кто нынче не ездит в Италию? Это обыденная повседневная работа, и я не хочу изнашивать свои бабашки ради посещения этого сапога. По зрелом размыш-

³ Nolet de Brauwere van Steeland // Een reisje in het Noorde. Leuven ; Rotterdam, 1843. Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номеров страниц в круглых скобках.

лени мы решили вторгнуться на суровый север; мы рискнули оказаться в этих варварских краях, и в этом хотя бы было что-то новенькое).

Здесь Нолет упоминает также «общество некоего профессора из Католического университета в Левене (Я.-Б. Давида. – Э. В.)», с которым он «несколько лет имеет честь дружить» (3).

Нолет и Давид выехали из Левена 1 августа 1842 г. [см.: Van Damme, 17–27]. Они переночевали в Антверпене, сели там на пароход до Роттердама, в почтовой карете добрались до Амстердама, оттуда морем отправились в Гамбург, затем дилижансом в Любек, откуда приплыли в Копенгаген. Через три дня они отправились в Гётеборг, откуда морем отбыли в Стокгольм. В Швеции их принимали в королевском дворце, они имели беседу с Карлом XIV Иоанном, а затем выехали в Финляндию, которая с 1809 г. входила в состав России. После строгого таможенного досмотра они поплыли дальше – в Петербург, куда прибыли 31 августа 1842 г. Десять дней спустя они выехали в Москву, откуда через Петербург вернулись в Бельгию. В общей сложности друзья пробыли в России четыре недели.

Первое, что бросается в глаза, это то, что Нолет и его спутник Давид были жизнерадостными, заинтересованными и образованными путешественниками. Они осматривали все, что хоть в малейшей степени заслуживало внимания, зачастую в сопровождении местного переводчика или иностранца, владеющего русским языком. Друзья не чурались неизвестного, их путевые заметки полны новых для их современников реалий: “mujik”, “Iwan Velikoi”, “Petrofskoi”, “den Kremlin”, “drowischky”, “Nevskoi-Prospect”, “Zarskoje Selo”, “Pawlofsky”, “hospodar”, “boyard”, “kopecks”, “de kathedraal van Vasili Blazjennyj op het Rode Plein”, “de Czaers”, “Krim-Tartaren” и т. д. В обеих столицах они выполнили впечатляющую «туристическую программу». Зная себя, Нолет пишет, что они «с петушиным задором» стремились оказаться повсюду, а также хотели оставить «путевые заметки» о своем «северном путешествии». Иногда Нолет бывал так поражен великолепием увиденного, что не находил слов, которыми можно было бы передать эту красоту: ‘Iets oostersch, dat men zien moet maer niet navertellen kan’ (184) («Что-то восточное, это надо видеть, но невозможно пересказать»).

Вторая отличительная черта – это юмор, которым пронизаны путевые заметки Нолета. Когда путешественники прибыли в Петербург, оба они были разбиты усталостью, а Давид серьезно болен. Вызвали врача. Нолет описывает это так:

Doctor Machinikoff of Dingsky voelde den prof. den pols, bezag de tong, hoorde wat den zieke deerde. Na rijpe overweging schreef hij een recipe voor van den volgenden inhoud: Een lating van sta vast; vier en twintig bloedzuigers aen de keel; drie lave-menten; eene purgatie; een spuwdrankje; zuerdeeg met mostaerd en azijn aen beide voeten; een compres op de maeg; twee trekpleisters

achter de ooren en een zweetdrankje. ‘Voor het oogenblik kunnen wij ons daerbij bepalen, sprak de vent; later zullen wij zien wat verder te doen staet.’ – ‘Dat zal niet noodig zijn (hernam ik, want de prof. kon van schrik niet spreken), dit is ineens genoeg om een christen mensch ad majores te zenden’ (181–182).

(Доктор – Машиеникофф или Дингски – пощупал пульс профессора, осмотрел язык, выслушал, что больного беспокоит. Поразмыслив, он выписал рецепт следующего содержания: обильное кровопускание; двадцать четыре пиявки на горло; три клистира; очищение кишечника; отхаркивающее питье; кислое тесто с горчицей и уксусом к обеим ступням; компресс на желудок; два вытяжных пластыря за ушами и потогонное питье. «В данный момент можно этим ограничиться, – проговорил этот субъект, – а дальше посмотрим, что еще надо будет сделать». – «В этом не будет необходимости, – ответил я, поскольку профессор от испуга лишился дара речи, – потому что прописанного уже достаточно, чтобы отправить христианскую душу ad majores» (к праотцам (лат.). – Прим. пер.)).

Таких пассажей в книге Нолета множество. Они создают образ иронизирующего путешественника, что смягчает панегирический пафос текста, и придают его путевым заметкам особую прелесть.

Примечательно, что оба образованных господина, по-видимому, еще никогда не слышали об иконах. Даже для Давида, лица духовного, иконы были *terra incognita*. О посещении Успенского собора в Кремле он пишет:

...Men dient te weten dat de Grieken geen standbeelden in hunne kerken dulden, noch engelen, noch figuren in ‘t algemeen die met den beitel gemaekt zyn; zy willen alleen geschilderde beeldtenissen, doch met deze gaen zy dan weêr op eene zonderlinge wys te werk. Zy kleeden hunne voornaemste schilderyen, het zy met kostbare stoffen, het zy met zilveren en gouden platen, kunstig geplooid en gedrapeerd. <...> Met zulke schilderyen zyn de russische kerken versierd; het volk gaet er voor buigen en kruisen maken, en kust het de voeten en de handen... (18–19).

(...Следует знать, что греки не допускают в своих церквах никаких статуй: ни ангелов, ни вообще каких-либо фигур, изготовленных с помощью резца; они хотят только живописных изображений, однако используют в работе диковинный метод. Они обертывают самые важные свои картины или дорогими тканями, или серебряными и золотыми пластинами, искусно сложенными и задранированными. <...> Такими картинами украшены русские церкви; народ перед ними кланяется, и крестится, и целует им ноги и руки...).

В пути между Москвой и Петербургом они делили «скоростную карету» с русским дворянином, который говорил по-французски:

Over 't algemeen zyn in Rusland de lieden van goeden huize zeer wel gemanierd, hebben veel onderrigt, en spreken beter fransch dan wy Belgen (35).

(Обычно в России представители хороших семей весьма благовоспитанны, многому обучены и говорят по-французски лучше, чем мы, бельгийцы).

Под последними Нолет, пожалуй, имел в виду фламандцев. О русских дворянах, с которыми он познакомился во время своего путешествия, он отзывался с похвалой: они не только очень хорошо говорили по-французски (в то время это считалось обязательным), но и были готовы прийти на помощь. «Русский дворянин», вместе с которым они ехали в карете, обладал большим «человеколюбием»:

Een groote zak vol kopermunt lag aen zijn zijde, en de hele tijd deelde hij groote aelmoesen aen de armen uit: 'De brave man gaf ons eenigen uitleg over de levenswijze zijner slaven, die zich onder het beheer van zulk eenen meester regt gelukkig mogen noemen, en zelfs, had hij hen willen in vrijheid stellen, hem op de kniën om het behoud van den slavenstand zouden gesmeekt hebben (200).

(Возле него лежал большой мешок медных монет, и он всю дорогу раздавал щедрую милостыню бедным. Этот добрый человек дал нам некоторые пояснения относительно образа жизни своих рабов, которых под управлением такого хозяина поистине можно было назвать счастливыми и которые, даже если бы он захотел отпустить их на свободу, на коленях умоляли бы его оставить их у себя в рабстве).

Интересно сравнение судьбы русского крепостного и бельгийского крестьянина:

Het woord slaef heeft iets hard in zich, dat begrijp ik zoo goed als iemand. Maer wat ik moeilijker zal doen gelooven, en wat toch zoo klaer is als het daglicht is dat het wezen der Russische slaven dikwijls te verkiesen is boven dat onzer Belgische landlieden; altijd boven dat onzer arme fabrieksgasten. En geen wonder, want zie, in Rusland zijn er geen kleine grondeigenaers; een heer van tien, twintig, dertig dorpen is niets ongewoons; al wat de grond voortbrengt, al wat op dien grond ademt en geboren wordt, is van hem; het is derhalve in zijn belang al die zaken in zuiveren staet te bewaren, en ook de boeren, zoowel als hunne woningen, goed te onderhouden. Brandt een dorp af? de heer bouwt het wederom op; strekt het veld, bij ongunstig saisoen, niet eens tot voedsel der arme dienaren? De heer opent de milde handen is voor die zelfde slaven eene gezegende voorzienigheid (176).

(В слове «раб» есть что-то жестокое, я понимаю это не хуже других. Но что мне будет труднее доказать и что все-таки ясно как день,

так это то, что судьба русских рабов зачастую предпочтительна перед судьбой наших бельгийских деревенских жителей и всегда предпочтительна перед судьбой наших бедных заводских рабочих. И ничего удивительного, потому что в России нет мелких землевладельцев; помещик, владеющий десятью, двадцатью, тридцатью деревнями, вполне обычен; все, что приносит земля, все, что на его земле дышит и рождается, принадлежит ему; следовательно, в его интересах хранить все эти вещи в чистоте, а также хорошо содержать крестьян и их жилища. Сгорит ли деревня – помещик снова ее отстроит. Даст ли поле в неблагоприятный год недостаточно пропитания бедным слугам? Помещик раскроет щедрую руку – вот и будет тем же рабам Божий промысел).

От «состоятельного собственника» Нолет слышал:

De slaef leeft zonder zorg, zonder achterdocht. Zijne toekomst, zijn leven, dat zijner vrouw en kinderen is verzekerd. Geen onbarmhartige leenheer zet hen op straat, of dompelt huisgezinnen in wanhoop en armoede. Geene kwelling van staetslasten, geen ontvanger verkoopt hun inboedel. Kunnen onze arme boeren dat ook zeggen? Het is waer, de Russische slaef bezit niets in eigendom... Onze boeren integendeel bezitten... de vrijheid. Doch met alleen vrijheid loopt men niet ver, en wie daervan leven moet, kookt een schralen pot (177).

(Раб живет без забот, без недоверия. Его будущее, его жизнь, жизнь и будущее его жены и детей обеспечены. Никакой немилосердный сеньор не выставит их на улицу, не доведет семью до отчаяния и нищеты. Никаких мучений от государственных налогов, никакой сборщик не будет продавать их имущество. Могут ли сказать то же наши бедные крестьяне? Правда, русский раб не владеет никакой собственностью...) Наши крестьяне, напротив, владеют... свободой. Однако на одной свободе далеко не уедешь, а кто должен с нее жить, кипятит худой горшок).

Такого мнения определенно придерживался не один Нолет. Его русский современник Александр Пушкин в своем ответе на мрачную книгу Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» приводит мнение путешественника XVIII в. Дениса Фонвизина, который позитивно оценивал положение русских крестьян: «Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю» [см.: Пушкин, т. 6, с. 348]. Русская императрица Екатерина II тоже высказывалась в таком же смысле (хотя, конечно, она не была беспристрастна): в опровержении на книгу Шаппа д'Отроша «Путешествие по Сибири» (Париж, 1768), которая, по ее мнению, содержала слишком много критики в отношении России [Tavernier], Екатерина утверждала, что

русский «деспотизм» превосходит, а русский крестьянин счастлив, и умирает он от несварения желудка, а не от голода [Екатерина II, с. 25, 29, 129]⁴. И это утверждали не только русские.

Чем Нолет остался недоволен, так это нечистоплотностью русских. На одном постоялом дворе он встретил мальчика-слугу, в обязанности которого входило «набивать и разжигать» постояльцам турецкие трубки,

...Maer wij vonden die vieze manier al te onsmakelijk, en daer de gemeenschap van goederen voor ons nog geen geloofspunt was, weigerden wij te rooken uit een roer, waeraen Jan en alleman gezogen had (186).

(...Но мы сочли этот нечистый способ отвратительным и, поскольку общность имущества не была для нас догмой, отказались курить трубку, которую сосал неизвестно кто).

Эта 'ingekankerde vuile aerd is de eenige vlek welke ik in het karakter der Russen heb kunnen bespeuren' («грязная натура – единственное пятно, которое можно было подметить в русском характере»):

De haaren en langen baerd zijn niet altijd vrij van kruipende gasten, die hier hun tabernakels hebben opgeslagen, en meer dan eens zag ik werklieden die elkander zekeren pluisdienst bewezen. Maer hoe zal het u verwonderen, als gij zult hooren, dat het gemeen volk gedurende de geheele week kaftan, broek en laerzen aenhoudt, zelfs daermeê slaept, en eerst den zaterdag uittrekt om in het bad te kruipen? (199).

(Волосы и длинная борода не всегда свободны от нашедших там пристанище ползучих гостей, и я не раз видел рабочих, убаглотворяющих друг друга ловлей блох. Но как этому удивляться, если слышишь, что простой народ всю неделю одет в кафтан, штаны и сапоги и даже спит в них, и только в субботу снимает их, чтобы забраться в баню?)

Не без юмора описывает Нолет русскую баню:

...In een sierlijk gemeubileerd vertrek ontdoet men zich van al zijne kleederen. Aldus in naturabilis, hetgeen verneêrduitscht wil zeggen, gekleed zoals onze eerste vader Adam, vóór de instelling der erfzonde, begeeft gij u in eene zijkamer. Niets dan de vier muren, en te midden eene viertrappige verhevenheid, waerboven een houten rustbed, in den vorm van eene soldatenbrits. De dampbadenliefhebber legt zich met de bloote billen op die plank, en nu wordt de kamer door de stoom vervuld, welke langs kleine en onzichtbare gaten en reten door den vloer heendringt. Als dit zweet- en stikpartijtje lang genoeg heeft geduurd, en gij half gekookt zijt, komt een dienstbode te voorschijn, die u leukweg een paer emmers

⁴ Это поистине бессмертное замечание она сделала в письме своему корреспонденту барону Мельхиору Гримму от 13 мая 1796 г.

water over 't hoofd giet, in een koud bad dompelt en met een' bezeepten borstel schrobt en wrijft, als ware uw persoon het eerste het beste meubel. Na nog eene afspoeling van een paer tobben water te hebben ondergaen, strekt gij u op een canapé uit en denkt: zie zoo, dat is eene gedane zaak. Maer neen, dan begint men u eerst al de ledematen te kraken, te knijpen en te kneden als brooddeeg. Bij die Russen is dit bad algemeen in zwang (142–143).

(...В нарядно обставленном помещении снимают с себя всю одежду. Так, in naturalis (в природном виде (лат.)) – Прим. пер.), или, на нидерландском языке говоря, в костюме праотца нашего Адама до совершения первородного греха, направляются в боковую комнату. Ничего, кроме четырех стен, а в середине – четырехступенчатое возвышение с деревянной лежанкой на нем вроде солдатских нар. Любитель парной бани ложится голым задом на эти доски, и комната наполняется паром, проникающим через маленькие незаметные отверстия и щели в полу. Когда потение и удушение продолжаются уже достаточно долго, и вы оказываетесь сварены до полуготовности, появляется прислужник, который, не моргнув глазом, обливает вас с головой несколькими ведрами воды и погружает в холодную ванну, а потом принимается скоблить и тереть намыленной щеткой, как будто ваша особа – какой-нибудь предмет мебели. Подвергнувшись еще одному обливанию несколькими ушатами воды, вы растягиваетесь на канаве и думаете: смотри-ка, дело сделано. Но не тут-то было: теперь вам принимаются с хрустом выламывать конечности, щипать и мять вас, как тесто. У этих русских такая баня повсюду в моде).

В экипаже между Петербургом и Москвой Нолет размышлял о России и русских:

Indien gij voor evangelie houdt en voor zoete koek aenneemt al wat sommige schrijvers, vooral zekere Fransche dagbladen over Rusland vertellen, zult gij menige pil te slikken hebben. Men moet op de plaets zelve zijn om een grond oordeel te vellen (171).

(Если принимать за чистую монету и заглатывать все, что рассказывают о России некоторые писатели, особенно определенные французские газеты, придется проглотить немало пилюль. Чтобы вынести обобщенное суждение, надо самому побывать на месте).

Нолету русские представляются самым незлобивым народом из всех, которые он знал:

Ik bedoel hier niet alleen de lagere klasse, bij wie de gewoonte van blinde gehoorzaamheid en afhankelijkheid grote invloed op het karakter uitoefent; maer ook de hooge standen, zij die gewoon zijn te gebieden. Petersburg alléén, door den toevloed van vreemdelingen reeds bedorven, moge uitzondering op den regel maken, maer niemand kan de volksaerd uit de samenleving der salons afleiden;

deze toch zijn te Petersburg en te Parijs, te Londen en te Amsterdam overal dezelfde; overal dezelfde valsche ingetogenheid, en hoofsche manieren. Men moet het volk uit het volk leeren kennen, en dan ja is Rusland bewonderenswaardig (171–172).

(Здесь я имею в виду не только низший класс, на характер которого большое влияние оказывает привычка к слепому повиновению и зависимости, но и высшие сословия, которые привыкли повелевать. Один Петербург, уже испорченный наплывом иностранцев, может составить исключение из этого правила, но нельзя же делать заключение о национальном характере по салонному обществу; оно повсюду одинаково, в Петербурге и в Париже, в Лондоне и в Амстердаме; повсюду одна и та же притворная добропорядочность и куртуазные манеры. Знакомиться с народом надо через народ, и в таком случае Россия достойна восхищения).

Религиозностью русских Полет также удовлетворен, хотя и замечает, что «кое-где под ней кроется суеверие» (172). От его внимания не ускользает почитание Богоматери и то, что

Geen woning, geen boeren herberg, of in den hoek van elke kamer hangt een klein schilderijtje [= icoon], dezen of genen heiligen voorstellende, waervoor een lamplicht brandt, en de bewoner meermael daegs buigt en kruisen maekt (172).

(В каждом жилище, на каждом крестьянском постоялом дворе или в углу каждой комнаты висит маленькая картинка [икона], изображающая какого-нибудь святого, перед ней горит лампада, а обитатель по несколько раз в день кланяется ей и крестится).

Но самая яркая, наверное, эта картина:

Als laetste proef [van vroomheid] kan ik aenhalen dat wij in een koffijhuis te midden van Petersburg, op eenen Woensdag geen vleeschnat [bouillon] konden bekomen, omdat deze dag bij de Russen een vastendag was! In het katholijk België had men ons, zonder de minste gewetenswroeging, een hele os voorgezet! (172).

(В качестве последнего доказательства [набожности] могу сослаться на то, что в кофейне посреди Петербурга нам в среду было отказано в мясном соке [бульоне], потому что в России этот день постный! В католической Бельгии нам без зазрения совести подали бы целого вола!)

На Давида такая принципиальная позиция также произвела глубокое впечатление:

Ei! bouillon was er evenmin; want, voegde men er by, het is heden woensdag, en op dien dag mogen de Russen daer geen gebruik van maken. Dit antwoord trof en stichtte ons. Wy konden ons niet beletten die nauwgezetheid

der schismatieke Russen te vergelyken met de roekeloosheid der catholyke volkeren, by wie de kerkelyke wetten geheel verwaerloosd worden, ja zoo goed als vergeten zyn. Daer, aen de poorten van Moscow, weigert men, om godsdienstige redenen, wat men by ons en in Frankryk, ondanks de wet en de betamelykheid, den reiziger ongevraagd opdient. Welk eene les! (22).

(Эй! Бульона тоже не было, потому что, как было добавлено, сегодня среда, а в этот день русским нельзя употреблять его в пищу. Такой ответ нас поразил и послужил назиданием. Мы невольно сравнивали эту добросовестность русских схизматиков с дерзостью католических народов, у которых церковные законы в полном пренебрежении, если не сказать, забыты. Там, у врат Москвы, по религиозным мотивам отказывают в том, что у нас и во Франции, вопреки закону и приличию, подают путешественникам без лишних просьб. Каков урок!)

Одним словом,

Van den zedelyken kant beschouwd, is Rusland onberispelyk... en door de zoogenaemde zedebeschaving nog niet bedorven. Zijne inwoners bezitten nog al de voorvaderlijke deugden: Zij zijn gastvrij jegens den vreemde, medelijdend, en kennen het stoïsch primo mihi niet (173).

(С точки зрения нравственности Россия безупречна... и еще не испорчена так называемой цивилизованной моралью. Ее жители еще обладают всеми прадедовскими добродетелями: они гостеприимны по отношению к чужеземцам, сострадательны и не знакомы со стоическим primo mihi (Primo mihi (лат.) – принцип «мне первому». – Прим. пер.))

Здесь Нолет с большим удовольствием изливает свою антифранцузскую желчь:

Ik heb het eenen Franschman vlak in zijn gezigt gezegd, toen hij op Rusland smaelde: “Qui, mon cher monsieur, ces diables de Russes sont éminemment religieux, d’une haute moralité, honnêtes, laborieux, hospitaliers, confiants! que voulez-vous? *Ces barbares ne sont pas civilisés!*” (173).

(Одному французу я сказал прямо в лицо, когда он с презрением отзывался о русских: «Да, мой дорогой мсье, эти русские черти в высшей степени религиозны, обладают высокой нравственностью, честностью, трудолюбием, гостеприимством, доверчивостью! Чего ж вы хотите? Эти варвары нецивилизованны!»)

Это заключение прямо противоположно той оценке, которая сформировалась у Нолета относительно России до его путешествия: «суровый север», «эти варварские края» (4). В Петербурге он был ошеломлен тем, как далеко продвинулась Россия в своем развитии с XVIII в.:

Als men de lompe wapenen, grove kleederen, met een woord al het barbaersche van Rusland voor den tijd van Peter den Grooten, aen den verfiinden smaek van zijne eeuw wil toetsen, en de vorderingen na-spoort welke dit land in zulk een kort tijdbestek in kunsten en wetenschappen heeft gemaekt, dan staet men verwonderd over de snellen voortgang in volksbeschaving, en bedenkt welk groot genie er noodig was om eene natie, op min dan anderhalve eeuw, tot die hoogte te leiden (163).

(Если сравнить неуклюжее вооружение, грубую одежду – одним словом, все варварство России до времени Петра Великого – с утонченным вкусом его века и проследить успехи в искусствах и науках, сделанные этой страной за столь короткий срок, остается только удивляться быстрому прогрессу в просвещении народа и думать, сколь великий гений нужен был для того, чтобы менее чем за полтора века поднять нацию на такую высоту).

Санкт-Петербург произвел на Нолета большое впечатление; он называет этот город «гордой столицей огромной России» (139):

Hoe u een juist denkbeeld gegeven van die hoofdstad, waerdige vertegenwoordigster van het uitgestrekt Russisch gebied? Hoe grootsch, hoe trotsch, hoe vol majesteit kwam zij ons voor! Overal breede en lange straten, gebouwen van onafzienbare lengte; nergens kleine smalle steegjes; men zou zweren dat Petersburg enkel door schatrijken wordt bewoond. Wie zou het gelooven dat de schoonste stad van Europa, welke thans boven de 500.000 inwoners telt, eerst in 1703, op eenen moerassigen grond werd aengelegd? (143–144).

(Как составить себе правильное представление об этой столице, истинной представительнице обширных российских владений? Какой большой, какой гордой, какой полной величия предстала она перед нами! Повсюду широкие и длинные улицы, здания необозримой длины, нигде нет маленьких узких переулков; можно поклясться, что Петербург населен только богачами. Можно ли поверить, что красивейший город Европы, в котором ныне более 500 000 жителей, был заложен на болотистой почве только в 1703 году?)

De hoofdstraat van de stad – de 'Newskoi-Prospect' – telt talloze kerken: de hoofdkerk der heilige Moeder Gods van Kasan; nog eene andere Russische kerk; eene kapel van Russische oud-geloovigen; de Armeniaensche, Rooms-katholijke, Luthersche, Duitsch-Fransch- en Hollandsch Gereformeerde, en eindelijk de Zweedsche en Finlandsche kerken. Dit doet de enthousiaste Nolet de verkeersader van de hoofdstad uitroepen tot de straat van de verdraagzaamheid (Toleranzstrasse) (151–152).

(Главная улица города – Невский проспект – насчитывает множество церквей: собор Казанской иконы Божией Матери, ещё какая-то другая

русская церковь, часовня русских староверов, армянская, римско-католическая, лютеранская, немецко-французская и голландская реформатская, а также, наконец, шведская и финская церкви).

Это заставляет полного энтузиазма Нолета провозгласить главную транспортную артерию столицы «улицей Толерантности» (*“Toleranzstrasse”*). Необычность и пестрота публики тоже приходится ему по вкусу:

Het krioelde daer van allerlei menschen; Christenen, Joden, Heidenen, Mahomedanen, elk in zijne bijzondere kleedij, een opregt specimen van alle volkeren der wereld, wandelden door elkander. Vooral bespeurden wij veel krijgsvolk, en dat zal niet verwonderen, als men weet dat Petersburg 60.000 man garnizoen telt, waarvan twee derden de keizerlijke lijfwacht uitmaakt. De verscheidenheid van hun rijke kleeding behaegde ons zeer; vooral het oostersch kostuum der 100 man sterke lijfwacht van Circassische prinses, met den zilveren tulband, blauwen kaftan, wijde broek, zilveren gordel, en met edelgesteenten versierden sabel, kwam ons zeer fraei voor (148).

(Там кишело самыми разными людьми: христиане, евреи, язычники, магометане, каждый в своей особенной одежде, настоящие образцы всех народов мира, разгуливали вперемешку. Особенно много мы замечали военных, и это неудивительно, если знать, что петербургский гарнизон насчитывает 60 000 человек, две трети которых составляет императорская гвардия. Разнообразие их богатой одежды нам очень понравилось, особенно красивыми показались нам восточные одеяния сотни гвардейцев из числа черкесских князей – с серебряными тюрбанами, синими кафтанами, широкими штанами, серебряными кушаками и саблями, украшенными драгоценными камнями).

Нолет только констатировал, что Россия – мультикультурная страна, а Давид вникал в различия. О евреях он не смог сказать ничего хорошего. На московском базаре он едва ли заметил какое-либо отличие в одежде русских и евреев:

...Maar de Joden verraden zich door de loosheid van hunnen blik en door eene zekere geslepenheid afstekende by het ronde en lachende gelaet der Tartaren en de schynbare ongevoeligheid der echte Russen (31).

(...евреи выдавали себя хитрецей во взгляде и неким лукавством, отличным от выражения круглых улыбчивых татарских лиц и мнимого равнодушия настоящих русских).

В другом месте он пишет:

Daer zwierven ook veel Joden tusschen, gelyk wy gissen konden uit de loosheid hunner blikken en den drift van hun gesnater (41).

(Между ними слонялось также множество евреев, коих можно угадать по хитреце их взглядов и напористой трескотне).

Местный русский помог путешественникам разобраться в лабиринте базара и подсказал, где можно сделать выгодные покупки «с наименьшей опасностью быть обманутыми». Давид при этом добавил: «Однако не надо из-за этого избегать евреев, потому что обмануть могут и другие». Затем он продолжает:

‘Een Rus is dief geboren, gelyk alle wilden en halfwilden, en hoe onnoozel [= onschuldig] hy er uit zie[t], hy is doortrapt als de duivel om roofplannen te bedenken, en behendig zonder weêrgâ om ze uit te voeren. Hy bekreunt zich om straf noch gevangenis; hy heeft geenen schrik voor den knoet noch voor de verbanning naer Siberië; het eenigste wat hem wederhouden kan is het godsdienstig gevoel, en inzonderheid de vrees van te mishagen aen Sint-Nikolaes’ (31–32).

(«Русский рожден вором, подобно всем диким и полудиким, и каким бы простодушным [читай – невинным] он ни выглядел, он хитер, как дьявол, когда замышляет кражи, и не имеет себе равных в ловкости, когда их совершает. Его не напугать ни наказанием, ни тюрьмой, он не боится ни кнута, ни ссылки в Сибирь; единственное, что может его остановить, это благочестие, особенно страх прогневить Святого Николая»).

Остается только сожалеть, что Давид не рассказывает, на каком личном опыте основаны эти обобщения.

Sint-Nikolaes is de patroon van alle opregte Russen; nimmer werd een heilige meer vereerd dan deze het is in zyne door geheel Rusland verspreide beeltenissen [iconen]. Daer is geen winkel in den bazaar, geen huis in de stad, geen kamer in de herbergen, geen kajuit in de schepen, geen zael in de paleizen, of men ziet zyn geschilderd beeld, met goud of zilver versierd, in een of anderen hoek (32).

(Святой Николай – покровитель всех честных русских; никогда ни одного святого не почитали больше, чем этого, помещенного на образах [иконах] по всей России. Нет ни одной лавки на базаре, ни одного дома в городе, ни одной комнаты на постоялом дворе, ни одной каюты на корабле, ни одной залы во дворце, где бы не было его живописного изображения, украшенного золотом или серебром, в каком-нибудь углу.)

Незадолго до приезда Нолета и Давида в Санкт-Петербург там пострадал от пожара Зимний дворец. Для Нолета это послужило поводом сделать некоторые политические комментарии:

Het is bijna onmogelijk de groote droefheid af te schilderen, welke dit ongeval bij het volk verwekte; en deze droefheid laat zien hoezeer de Keizer algemeen

bemind is. Het was, als had eenieder zijn eigen huis verloren. Bij de duizend inwoners vroegen de gunst het paleis op hunne kosten te mogen herbouwen. Een graef bood den Vorst een millioen; een arm koopman 1.500 roebels aen. Maer de wreede dwingeland (niet waer ?) weigerde deze edele giften, en het paleis werd voor zijne eigen rekening en op weinige maenden herbouwd (145–146).

(Почти невозможно описать огромную печаль, вызванную в народе этим несчастьем; и эта печаль показывает, какова всеобщая любовь к императору. Как будто каждый лишился своего дома. Почти тысяча жителей, как о милости, просила дозволения отстроить дворец за их счет. Один граф предложил монарху миллион; бедный купец – 1 500 рублей. Но беспощадный деспот (не так ли?) отверг эти благородные дары, и дворец был в считанные месяцы отстроен за его собственный счет).

О царе Николае I Нолет неизменно отзывается с похвалой:

Keizer Nikolaes is vast de schoonste man van zijn rijk. Van eene rijzige gestalte, trotsche houding, fier gelaet ; zijne adelaersblik is zoo scherpdoordringend, dat men onwillekeurig de oogen moet neêrslaen. Hij is een Vorst, voor den troon geboren en van het zelfgevoel zijner grootheid doordrongen. Hij weet dat hij de mag-tige Alleenheerscher is, die over millioenen den gebiedenden sceppter zwaait. Slechts één bevel, en de vermogendste onderdaen wordt balling in Siberiën; één wenk, en de nederigste slaef is tot de grootste waardigheid verheven; met één woord's Keizers wil is het hoogste gebod. Dit heet opregt eenheid in het Bestuer (158).

(Император Николай – определенно самый красивый мужчина своей империи. Рослый, с горделивой осанкой, благородными чертами лица; его орлиный взгляд настолько пронизателен, что невольно приходится опустить перед ним глаза. Он монарх, рожденный для трона и преисполненный сознанием собственного величия. Он знает, что он могущественный самодержец, который властно повелевает миллионами. Один приказ – и могущественнейший из подданных сослан в Сибирь; один знак – и покорнейший из рабов возвеличен до высшего достоинства; одним словом, воля императора – высший приказ. Это называется прямым единоличным правлением).

Нолету и Давиду посчастливилось, будучи в Москве, собственными глазами увидеть русского царя в Кремле. Прежде всего им бросилось в глаза, что император находится среди народа без телохранителей:

Maer waer zijn de talrijke lijftrawanten die het leven van den wreeden dwingeland moeten verzekeren? die den noordschen tyran eenen veiligen doortogt zullen banen? ik zie ze niet, o Journal des Débats!⁵ de Keizer is moederziel alleen, zonder wachten, maer omringd van duizende onderdanen (187).

⁵ *Journal des Débats Politiques et Littéraires* – влиятельная французская консервативная газета; выходила в Париже с 1789 г.

(Но где же многочисленные телохранители, которые должны обеспечить защиту беспощадного деспота? которые должны прокладывать северному тирану безопасный проход? я их не вижу, о, Journal des Débats! император один как перст, без охраны, но окруженный тысячами подданных).

Thans konden wij zien hoezeer Keizer Nikolaes door zijn volk bemind wordt. Maer onder al die ongeveinsde blijken van trouw, eerbied en liefde, is er eene welke ik nimmer vergeten zal. Z. M. groette namelijk met de regterhand, terwijl hij den linkerarm bezijds uit het rijtuig liet hangen, opdat zijne geliefde onderdanen die hand mogten vatten en kussen; en het waren geen opgesmukte hovelingen welke die hand drukten: neen, het waren arme duivels, bedelaers, met smerige lompen overdekt; niet de grooten, maar het volk. Tranen van aendoening schoten mij uit de oogen... de zogenaamd barbaersche Alleenheerscher die als een vader onder zijne kinderen wandelt! Bij het afstijgen van den wagen werd de Keizer als op de handen voortgedragen (187–188).

(Теперь мы могли увидеть, сколь император Николай любим своим народом. Но среди всех этих искренних проявлений преданности, почтения и любви было одно, которое мне никогда не забыть. Дело в том, что Его Величество салютовал правой рукой, а левую свесил из кареты, чтобы его возлюбленные подданные могли эту руку хватать и целовать; и это не были изысканные придворные, кто пожимал его руку: нет, то были бедняки, нищие, покрытые грязными лохмотьями; не сильные мира сего, а народ. Слезы умиления брызнули из моих глаз... Так называемый варварский самодержец, который как отец прогуливается среди своих чад! По выходу из кареты императора понесли бы дальше на руках).

Это выражение народной любви становится для Нолета поводом хорошенько поддеть настроенные против России французские газеты:

Het is louter waarheid wat ik u daer neërschrijf... en spel u geen leugens op de mouw zoals zeker fransch dagblad, waerin ik eenige dagen te voren, in 't lang en breed, met al den noodigen uitleg van tijd, plaets, omstandigheid eene uitgebreide samenzwering tegen 's Keizers leven vernomen had. Maer had de opsteller zich hier ter plaetse bevonden, hij had zijne domme aentijging onwedersprekelijk door feiten gelogenstraft gezien. Ik kon mij niet genoeg verwonderen, hoe zulk een prulblad hier in koffijhuizen en openbare plaetsen zelfs gedoogd werd (188–189).

(Все, что я здесь записываю, чистая правда... а не выдумки, как в некоей французской газете, из которой я за несколько дней до того во всех подробностях, со всеми необходимыми пояснениями о времени, месте и обстоятельствах узнал о широком заговоре против жизни императора. Но если бы сочинитель находился здесь, на месте, он увидел бы, как его глупая ложь вдребезги разбивается о факты. Я не переставал удивляться попустительству, с коим такой никудышный листок появляется здесь в кофейнях и других общественных местах).

Давид тоже обстоятельно описывает появление русского царя на публике по случаю годовщины вступления Наполеона в Москву:

Het gepeupel stond in menigte aen de voornaemste poort van den Kremlin de wachten, en men zeide ons dat het niet wyken zou voor dat het den Tzar gezien en welkom gegroet had, want Nikolaes is een god in de oogen van het gemeen. De geestdrift waer wy 's anderendaags getuigen van waren, deed zulks ten overvloede blyken (20–21).

(Чернь в ожидании толпилась у главных ворот Кремля, и нам сказали, что она разоидется не прежде, как увидит и поприветствует царя, потому что Николай – бог в глазах простонародья. Воодушевление, коему мы в другие дни были свидетелями, служило тому лишним доказательством).

Tegen de middag hoorden wy, aen het gejoel des volks, dat de keizer naderde : en inderdaed wy zagen hem aenkomen in een eenvoudig rytuig, bespannen met twee peerden. Aen zyne zyde zat een aide-de-camp, en voorts was de wagen omgeven van eenen zwerm van lieden uit de werkende klas, die vochten om zich aen het rytuig vast te klampen, en de lucht deden weërgalmen van hun geschreeuw. Wy zagen daer hoe zeer Nikolaes de Eerste van de Russen bemind is : het was een geestdrift, eene dronkenschap, waer men zich moeijelyk een denkbeeld van maken kan. Wat my inzonderheid trof, was het vriendelyk gelaet waermeë de keizer de betuigingen van liefde ontving: met ééne hand begroette hy de dames ; maer zyne andere hand liet hy hangen op den kant van het rytuig, opdat al wie wilde haer zou kunnen drukken. Ook zag men die wildemans, met lompen bedekt of met dierenhuiden omhangen, grypen om het eerst naer de keizerlyke hand die allen ten minste wilden aenraken. Dat schouwspel deed my de tranen in de oogen komen (24–25).

(К полудню мы по крикам толпы услышали, что император приближается, и в самом деле увидели, что он подъезжает в простой карете, запряженной двумя лошаадьми. Рядом с ним сидел aide-de-camp⁶, а еще его коляску окружала ватага людей из рабочего сословия, которые дрались, чтобы ухватиться за карету, и оглашали воздух своими воплями. Тут мы увидели, как любят русские Николая I: то был восторг, опьянение, которое трудно вообразить. Что меня особенно тронуло, так это любезность, с которой император принимал такое изъявление любви: одной рукой он приветствовал дам, а другую руку свесил из кареты, чтобы любой желающий мог ее пожать. Можно было видеть покрытых лохмотьями или обернутых звериными шкурами дикарей, первыми хватавшихся за императорскую руку, к которой все желали хотя бы прикоснуться. От этого зрелища у меня навернулись слезы).

Эпизод, который Нолет не мог обойти молчанием, относится к знаменитому холерному бунту 1831 г. Народ обвинил врачей в ненадлежащем лечении и восстал:

⁶ Aide-de-camp (франц.) – адъютант.

Reeds had het volk, ten getale van 10.000 man op de hooimarkt vergaderd, het groot hospitaal aengerand, geplunderd, al de meubelen, de bedden, zelfs de zieken en gezonden te samen uitgeworpen, en begon het gebouw aftebreken, toen de Keizer, die deze schrikwekkende tijding ontving, te paerd sprong, spoorlags naer de hoofdstad rende, en alleen onder dezen woedenden volkshoop verscheen. Gebiedend strekte de vorst zijnen arm uit, en de muitelingen, als door de hand Gods geslagen, vielen den onversaegde bevelhebber te voet. Maer hij, met een vlammd oog en donderende stem riep hun toe: 'Niet voor mij moet gij de kniën buigen, maer God om vergeving smeeken voor uwe zondige euveldaed!' Hierop trok de Keizer naer de bijgelegene hoofdkerk, door de getroffen menigte gevolgd; de muiterij versmolt in een smeekgebed, en de aengerukte krijgsmagt werd als onnoodig afgedankt. Welk een treffend voorbeeld van onverschrokkenheid, kalmte en zelfbetrouwen! (201–202).

(Народ в количестве 10 000 человек уже собрался на Сенном рынке, напал на большую больницу, разгромил ее, выбрасывая всю мебель, кровати, даже больных и здоровых вместе, и начал сносить здание, а император, получивший эту страшную весть, вскочил на коня, во весь опор помчался в столицу и в одиночку предстал перед взбесившейся толпой. Монарх повелительно простер руку, и бунтовщики, как от Божьей десницы, пали в ноги бесстрашному повелителю. А он с горящими глазами громовым голосом крикнул им: «Не передо мной должны вы преклонить колена, а Бога молить о прощении вашего греховного злодеяния!» Затем император, сопровождаемый пораженной толпой, направился в ближайший собор; бунт вылился в молебен, а стянутые войска были за ненадобностью распущены. Какой убедительный пример бесстрашия, хладнокровия и уверенности в себе!»⁷

При посещении «дома призрения найденышей» в Москве нашим бельгийским путешественникам очень понравились опрятность, обстановка и содержание этого приюта, а также результаты даваемого в нем воспитания:

Waerlijk, nergens heb ik zulk een prachtig gesticht ontmoet, en ongetwijfeld kost het onderhoud zeer groote sommen aen het bestuer. Maer de alvermogen- de wil des Keizers voorziet in deze behoefte. In een constitutionneel land, waer de belangen van ieder dorp en gehucht boven het algemeen welzijn zoo vaek de voorkeur hebben, zouden die gelden moeijelijk toegestemd worden, terwijl in landen, zoo als dit, alles van 's Keizers wil afhangt, die 's rijks inkomsten naer welgevallen besteedt, en driewerf gelukkig dan de gewesten, waer de Vorst op zulk eene edele wijze het algemeen welzijn behartigt! (196).

(В самом деле, нигде я не встречал такого прекрасного заведения, и несомненно, его содержание стоит правительству больших денег. Но волей всемогущего императора эта потребность удовлетворяется. В конституционной стране, где интересы каждой деревни и поселка

⁷ Ср.: [Riasanovsky, p. 196; см. также: Шильдер, с. 306–311, 362–370].

частенько ставятся выше всеобщего блага, такие расходы едва ли были бы позволены, тогда как в странах вроде этой все зависит от воли императора, который тратит государственные доходы по своему усмотрению, и трижды счастливы тогда те края, где монарх великодушно печется о всеобщем благе!

Они посетили также императорские заводы, которыми остались довольны: «Все на одной ступени совершенства... так же хорошо, как во Фландрии» (202–203). Одним словом, правящий царь ‘als gebiederaen het hoofd der algemeene volksbeschaving’ (204) («как повелитель стоял во главе всеобщего народного просвещения»). Давид также особо отметил дом призрения найденышей, но он поместил при описании любезного приема критическую сноску:

Op goed onthael mag men rekenen in al de openbare gestichten van Rusland. De keizer wil dat de vreemdeling begoocheld worde, en een groot gedacht van zyn ryk opvatte. Doch alle gemaektheid hindert, en hier is zy overall dusdanig opvallend dat zy walg verwekt (37).

(На теплый прием можно рассчитывать во всех общественных учреждениях России. Император хочет ввести иностранцев в заблуждение, чтобы они получили грандиозное впечатление от его государства. Однако вся эта нарочитость мешает и повсюду здесь бросается в глаза до такой степени, что вызывает отвращение).

Для Давида это было свидетельством «духа очковтирательства, которое просвечивает во всем», то есть попыток выставить себя напоказ, щегольнуть собственными достижениями – одним словом, того, что в истории русской культуры называется «потемкинскими деревнями».

Нолет демонстрирует стремление оправдать ситуации, которые обыкновенно подвергались порицанию. О любовнике Екатерины II он пишет:

Catharina II schonk dit prachtig gebouw [het Taurisch Paleis] aen haren lieveling Potemkin... Catharina, die bij al hare goede gaven, toch ook zekere zwakheden kende, had het nog al hoog op met dien mijnheer Potemkin. Nu, dit zijn huisselijke zaken, die noch u noch mij raken, en waerover ik het gordijntje schuif (164).

(Екатерина II подарила это прекрасное здание [Таврический дворец] своему любимцу Потемкину... Екатерина, которая при всех своих добрых качествах все же не была лишена некоторых слабостей, довольно высоко чтила этого господина Потемкина. Ну, это дела семейные, которые ни вас, ни меня не касаются и за которыми я задергиваю занавеску).

В отношении бюрократической волокиты с паспортами комментарию Нолета также мягки:

Hoe vervelend al die omslag zijn moge, keur ik den maetregel toch niet af... want verre van eenige moeijelijkheid te ontmoeten, of deze bij middel van handvulling te vereffenen [= corruptie], troffen wij overal de uitgezochtste beleefdheid en vriendelijkste voorkomendheid aen (207).

(Как бы досадны ни были все эти хлопоты, я не осуждаю такие меры... потому что мы повсюду встречали отменное обхождение и самую дружескую предупредительность, не сталкиваясь ни с какими трудностями или улаживая таковые посредством наполнения рук [читай – подкупа]).

Хотя восхищение Нолета правлением Николая I не составляет исключения среди его современников в Нидерландах, все же его консерватизм, наверное, заходит далеко. На аудиенции у шведского короля он не скрывал своих консервативных убеждений. Король 'beklaegde zich met eene zachte weemoedigheid dat eenige woelgeesten zijne goede inzigten niet wilden begrijpen' («с легкой грустью посетовал, что некоторые беспокойные умы не хотят понять его добрых намерений»). Когда король объявил себя сторонником новых свобод, Нолет «в душе рассердился» и «схватил Его Величество за руку»:

Sire, – zegde ik, – het zij mij vergund van een ander gevoelen te zijn dan uwe Majesteit: De vrijheid is fraei op papier, maer voor de menigte verkeert zij slechts in dartele losbandigheid en woeste uitspatting. Het volk weet niet wat vrijheid is dan om ze te misbruiken, en heeft den toom van goede wetten en het bestuer eener wijze regeering noodig om opregt gelukkig te zijn. De koning scheen over mijne vrijpostigheid niet ontevreden, en mij de hand vriendelijk op de schouderen drukkend, gaf hij ten antwoord : 'Wij meenen dat gij gelijk hebt: De hevigheid der ziekte zal de genezing ervan voortbrengen; en, het is aen u lieden gegeven, die de pen voert, het volk van zijne pligten te onderrigten (123).

(«Сир, – сказал я, – мне суждено чувствовать иначе, чем Вашему Величеству. Свобода прекрасна на бумаге, но для толпы она превращается только в игривую распущенность и варварский разгул. Народ умеет только злоупотреблять свободой, и ему необходима узда из хороших законов и власти мудрого правительства, чтобы быть поистине счастливым». Король, казалось, не был недоволен моей прямою и, дружески положив руку мне на плечо, сказал в ответ: «Мы считаем, что вы правы: тяжесть болезни должна породить исцеление от нее; и вам, людям, владеющим пером, дано обучать народ его обязанностям»).

Судя по всему, бельгийская революция еще была свежа в памяти русских, потому что когда Нолет и Давид прибыли в финский порт Або (*совр. Турку. – Прим. пер.*) и проходили контроль на российской

таможне, то их спросили, поскольку они приехали из Бельгии, не являются ли и они «мятежниками» и «вольнодумцами». Нолет пишет:

Wij antwoordden even regtuit dat wij met zulk eene ketterij niet besmet waren, en er toch alles behalve oproerig en belhamerig uitzagen: de douanier scheen te begrijpen dat het groot keizerrijk niets van onze tegenwoordigheid te vreezen had, groette zeer beleefd en liet ons met vrede (128).

(Равно без обиняков мы ответили, что не заражены такой ересью и вовсе не похожи на мятежников и зачинщиков; таможенник как будто бы понял, что наше присутствие ничем не угрожает великой империи, весьма учтиво поклонился и отпустил нас с миром).

Предвосхищая знаменитое высказывание Маркса, Нолет установил, что по Европе бродит призрак конституции, но, похоже, для него было облегчением узнать, что этот призрак еще не проник в Россию:

Er bestaet [in Rusland] nog geene gelijkheid voor de wet; de standen der Maetschappij zijn juist afgeteekend, ieder blijft in zijnen staet. De zoon is slaef even als de vader, en zijne kinderen zullen het zijn even als hij. Dat op deze wijze veel groote geesten in herbis verloren gaen, trek ik niet in twijfel... opgeblazen gekken, waenwijze schoften, winderige warkoppen, die nergens toe deugen, dan om het vuer der tweedragt aen te blazen, twist en beroerten te zaeijen, orde, wet, staet en bestuer van den dijk in de sloot te helpen. Wat ware nu de verkiezelijkste der beide regeringsvormen? Ik wil niet beslissen, lieve lezer, maer laet de oplossing aen uw bescheiden oordeel over (178).

([В России] еще не существует равенства перед законом; сословия общества точно очерчены, каждый остается в своем разряде. Сын раба будет рабом, как его отец, и его дети тоже будут рабами. Я не ставлю под сомнение, что таким образом многие великие умы теряются in herbis (еще не созревшими (лат.) – Прим. пер.)... надутые глупцы, высокомерные жулики, хвастливая бестолочь, ни на что не годные, кроме как подливать масло в огонь раздора, раздувать споры и волнения, подрывать устой порядка, закона, государства и правительства. Какова же, однако, предпочтительная из двух форм правления? Я не хочу решать, любезный читатель, но оставляю решение на ваш снисходительный суд).

Путешествие в самодержавную Россию периода правления Николая I убеждает Нолета и Давида в пригодности старых ценностей прежнего режима, который во всем блеске и великолепии развернулся в Петербурге, но на Западе был сметен Великой французской революцией. По сравнению с пронизательным Кюстином Нолет – легкомысленный поверхностный путешественник, который охотно верил рассказам своего аристократического спутника, в розовом свете изо-

бражавшего жизнь русских крестьян. Два человека, современники, оба просвещенные, оба в поисках ценностей «доброе старого времени», попали в одну и ту же страну, но сделали совершенно разные выводы. Рассказы об их пребывании в России служат прекрасным примером того, как западноевропейцы продолжали в России свои внутрисполитические дискуссии.

Список литературы

- Екатерина II (имп.). Сочинения : в 12 т. СПб., 1901. Т. 7.
- Вагеманс Э. Князь де Линь как свидетель потемкинских деревень // *A Window on Russia : Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*. Gargnano, 1994. Roma, La Fenice Edizioni, 1996. P. 91–97.
- Кюстин А., де. Россия в 1839 году // пер. В. Мильчиной, И. Стаф. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 528 с.
- Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1976. Т. 6.
- Шильдер Н. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., Б. и., 1903. URL: <http://johannesnoletdebrauwerevansteeland.blogspot.be/> (дата обращения: 28.10.2015).
- De Vogelaere W. Johannes Nolet de Brauwere van Steelant // *Nationaal Biografisch woordenboek*. Vol. 1. Brussel, 1964. Col. 725–728.
- Janssens P. Entre le general Dourakine et Michel Strogoff: des livres belges sur la Russie de 1830 à 1988 // E. Waegemans & E. Stols (ed.). *Montagnes Russes : La Russie vécue par des Belges*. Bruxelles, 1989. P. 287–383.
- Riasanovsky N. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855. Berkeley ; Los Angeles, 1961.
- Tavernier R. Le Voyage en Sibérie de l'abbé Chappe et Gerhard Dumbar, son traducteur hollandais // E. Waegemans (red.). *Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century*. Groningen, 1998 (*Baltic Studies* 5). P. 263–283.
- Van Damme J. Le voyage de Jan B. David et Jan Nolet en Russie (1842) // E. Montagnes Russes : La Russie vécue par des Belges / ed. by E. Waegemans. Bruxelles : Ed. EPO, 1989. 408 p.
- Rusland – België 1900–2000 : Honderd jaar liefde-haat [Россия – Бельгия 1900–2000 : Сто лет любви-ненависти] / red. by E. Waegemans. Antwerpen, 2000. 206 p.
- Willems L. Jan Nolet de Brauwere van Steelant // *Biographie nationale de Belgique*. T. 15. Brussel, 1899. Col. 809–813.
- Wils L. Jan-Baptist David // *Nieuwe Encyclopedie der Vlaamse Beweging*. Tiel ; Lannoo, 1998. Vol. 1. P. 862–863.
- Wouters N. Nolet De Brauwere Van Steelant // *Nieuwe Encyclopedie der Vlaamse Beweging*. Tiel ; Lannoo, 1998. Vol. 2. P. 2210–2211.

References

- Biographie de Johannes Nolet de Brauwere, académicien néerlandais. URL: <http://johannesnoletdebrauwerevansteeland.blogspot.be/> (mode of access: 28.10.2015).
- De Vogelaere, W. (1964). Johannes Nolet de Brauwere van Steelant. In *Nationaal Biografisch woordenboek*, Vol. 1, col. 725–728. Brussel.
- Ekaterina II, (imp.). (1901). *Sochineniya : v 12 t.* [The works of Empress Catherine II, 12 Vol.]. (Vol. 7). Sankt Petersburg, izdanie Imperatorskoy akademii nauk.
- Janssens, P. (1989). Entre le general Dourakine et Michel Strogoff: des livres belges sur la Russie de 1830 à 1988. In Waegemans, E. & Stols, E. (Eds.). *Montagnes Russes. La Russie vécue par des Belges* (pp. 287–383). Bruxelles.
- Kyustin, A., de. (Mil'china, V. & Staf, I., Trans.). (1996). *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. 528 p. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh.
- Pushkin, A. S. (1976). *Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg* [A Journey from Moscow to Petersburg]. In Pushkin, A. S. *Sobranie sochineny v 10 tt.* Vol. 6. Moscow, Nauka.

Riasanovsky, N. (1961). *Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825–1855*. VIII + 296 p. Berkeley ; Los Angeles.

Shil'der, N. (1903). *Imperator Nikolay Pervyy, ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I, His Life and Reign]. Sankt Petersburg.

Tavernier, R. (1998). Le Voyage en Sibérie de l'abbé Chappe et Gerhard Dumbar, son traducteur hollandais. In Waegemans E. (Ed.). *Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century* (Baltic Studies, 5, pp. 263–283). Groningen.

Van Damme, J. (1989). Le voyage de Jan B. David et Jan Nolet en Russie (1842). In Waegemans, E. & Stols, E. (Eds.). *Montagnes Russes. La Russie vécue par des Belges*. 408 p. Bruxelles.

Waegemans, E. (Ed.). (2000). *Rusland – België 1900–2000. Honderd jaar liefde-haat* [Россия – Бельгия 1900–2000. Сто лет любви-ненависти]. Antwerpen.

Waegemans, E. (1996). Knyaz' de Lin' kak svidetel' potemkinskikh dereven' [Prince de Ligne as a Witness of Potemkin Villages]. In *A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia* (Gargnano 1994). Pp. 91–97. Roma, La Fenice Edizioni.

Willems, L. (1899). Jan Nolet de Brauwere van Steelant. In *Biographie nationale de Belgique, Vol. 15*, col. 809–813. Brussel.

Wils, L. (1998). Jan-Baptist David. In *Nieuwe Encyclopedie der Vlaamse Beweging, Vol. I*, pp. 862–863. Tiel, Lannoo.

Wouters, N. (1998). Nolet De Brauwere Van Steeland. In *Nieuwe Encyclopedie der Vlaamse Beweging, Vol. II*, pp. 2210–2211. Tiel, Lannoo.

The article was submitted on 10.09.2015

Translated by Dutch Irina Bassina